

ДВА,
ЧТОБЫ ПРАВИТЬ

18+

ВЛАДИСЛАВ БАЖЕНОВ

Владислав Баженов

Два, чтобы править

«Автор»

2026

Баженов В.

Два, чтобы править / В. Баженов — «Автор», 2026

Девять миров. Десять артефактов. Одна формула, что даёт власть над всеми. Извериус находит древний браслет — и пробуждает силу, способную повелевать армиями мёртвых воинов. Теперь у него есть шанс закончить войну. Но цена может оказаться слишком высокой. Тем временем армия Гидеуса идёт вперёд, неся огонь и разрушение. Драконы сеют пепел. Царства падают одно за другим. Пророчица видит гибель мира — но ей никто не верит. В мире, где древние артефакты ждут достойных, а каждый выбор имеет свою цену — кто первым соберёт формулу? И стоит ли она того? Эпическое фэнтези о власти, предательстве и цене силы.

© Баженов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Первый союз.	5
Пророчество, которое не услышали.	6
Братский союз.	10
Братья.	13
Описание мира Бормонд и артефакта.	15
Старый друг.	18
В путь.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владислав Баженов

Два, чтобы править

Первый союз.

— К чему эта встреча, Гидеус? И почему на моей территории? Варс не предложил гостю сесть. Его голос, низкий и густой, как дым от костра, резал тишину покоев. — Твой визит в наш мир без почестей, пира и втихую... Он создает вопросы. А если птицы начнут щебетать?

Гидеус, с которого капала талая вода с плаща, сделал шаг вперед. Его лицо, иссеченное морозными ветрами Моринса, было бледным и напряженным.

— Успокойся, друг мой. Я не мог отправить письмо. Здесь, за каждой птицей наблюдает еще три.

— Так зачем ты пришел? — Варс скрестил руки на груди. — Лютый холод выедает кости, и время сейчас отнюдь не для охоты.

— Для союза, — отрезал Гидеус. — Вот уже год я кую мечи и копья в своих кузницах. Мы идем на Ронкару.

Тишина стала звонкой. Варс медленно опустил руки.

— Ты... идиот, Гидеус. Ты не так давно правишь, чтобы принимать такие решения. Ронкара — самая большая армия из всех миров. Она не по зубам даже нам обоим. А с кем у Бесонта союз? Миры закрылись, как раковины. Его одной численности хватит, чтобы стереть нас в пыль.

— Твой ответ, Варс?

— Мой ответ — нет. В нынешнем положении ввязываться в войны не в наших интересах. — Варс повернулся к окну, спиной к гостю. — Я распоряжусь, чтобы тебя вывели из города. Незаметно.

Повозка, укрытая грубым брезентом, тронулась, увозя Гидеуса прочь от теплых огней Бугорнса. Впереди лежал густой, темный лес, а путь до Моринса был долог. Целый месяц дороги, чтобы обдумать все еще раз. Но мысли его уже были отлиты в твердый металл решимости. Война... Этому слова боялись как люди, так и магические твари. Миры не сталкивались так открыто уже много лет. То, что он задумал, было не просто риском. Это было преступление.

Пророчество, которое не слышали.

Ронкара.

Тронный зал был слепящим и пустым. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь витражные окна, разбивался о тонны позолоты на колоннах и отражался в толстом стекле, под которым текла Кровавая Тропа. От самых дверей до подножия трона — ручей застывшей ртути и алых самоцветов, вечное напоминание о цене власти. И о том, кто здесь хозяин.

Трон принадлежал Бесонту. Невысокий, сухопарый, он не походил на воина из саг. Доспехов на нем не было — только простой черный дублет. Но в этой простоте крылась страшная сила. Весь зал, все его золото и пустота, замерли в ожидании его. Тишина была настолько густой, что, казалось, можно услышать, как оседает пыль на шлемах двадцати шести стражников, выстроившихся вдоль стен.

Скрип. Двери распахнулись. Бесонт вошел в зал, и тишина лопнула под гулким цокотом его каблуков. Он шел ровно по центру Кровавой Тропы, не глядя под ноги. Его стража — тринадцать человек с каждой стороны — двигалась строго по краям, боясь даже краем плаща задеть священный поток.

Он взошел на трон, устроился поудобнее и начал барабанить костяшками пальцев по звериным головам, венчавшим подлокотники. Посетителей не было. Только он, его стража, да тридцать мечей за дверью. Барабанная дробь учащалась.

Двери открылись снова.

В зал ступила девушка. Пламя рыжих волос, собранное в строгий узел, ярким пятном горело в монохроме зала. На ее тонкой талии был туго затянут кожаный пояс, расшитый серебряными нитями, образующими две сплетающиеся змеи — знак Второго Круга. Она не робела, но каждый ее шаг отдавался эхом в гробовой тишине. Дойдя до положенной черты, она склонила голову.

— Повелитель.

— Нарма из Башни, — голос Бесонта был плоским, как лезвие. — Юное дитя со Вторым Поясом. Что за весть заставила тебя потревожить мой покой?

Девушка подняла глаза. В них плавали отблески Кровавой Тропы.

— Я видела войну, повелитель. Реки, что текли не водой. Плач, от которого трескалась земля. И союз... союз двух миров против нас.

— Стоп, — Бесонт перестал барабанить. — Кто, интересно, всучил тебе этот пояс? Выдумщикам? Мечтателям? Время нынче такое, что каждому юнцу вешают побрякушки за красивые глазки?

— Я видела это так же ясно, как вижу вас сейчас.

— Вздор! — он ударил кулаком по подлокотнику. Звук грохотом прокатился по залу. Стража вздрогнула. — Ты думаешь, я стану слушать сказки про войну? Наша армия — самая могущественная. У нас союзы с Краваной и Техорой. Остальные, собравшись в кучу, не смогут перейти даже свои рубежи!

— Повелитель, послушайте... — в голосе Нармы впервые прозвучала трещина. — Гидеус... Гидеус нашел Нечто. Не артефакт, как у вас. Что-то... Сильнее.

Бесонт откинулся на спинку трона и рассмеялся. Сухим, колким смехом, похожим на треск ломающихся костей.

— А-ха-ха! Опять про реликвии «спустившихся»? Дитя, артефакт есть у каждого правителя. Это знает любой отрок. Они под запретом, как и драконы — бесполезные, прожорливые ящеры. Только ресурсы тратить.

Отчаяние, острое и холодное, поднялось у нее в горле. Она сделала шаг вперед, нарушив черту.

— Да послушай же ты! — ее крик сорвался, звонкий и дикий, разбивая все церемонии.
— Я ВИДЕЛА ВОЙНУ!

Тишина обрушилась обратно, став тяжелее свинца. Бесонт замер. Его глаза, узкие и светлые, сузились до щелочек. Он медленно поднял руку, указательным пальцем отметив в воздухе короткую, четкую траекторию — от себя к ней.

— Убить, — произнес он беззвучно, одним лишь движением губ.

И этого было достаточно.

Один из стражников сделал шаг вперед. Резкий звук вынимаемого из ножен меча прозвучал в тишине зала. Нарма склонила голову, смирившись с неизбежным.

— Остановись! — произнёс Бесонт.

Клинок замер, а стражник отступил на прежнее место. Повелитель пристально разглядывал дрожащую девушку.

— Ну и как же ты, юное «дарование» Башни Магов, можешь утверждать о надвигающейся войне, если не смогла предвидеть, что твоя голова вот-вот окажется у моих ног? — его голос был холоден и насмешлив. — Я, может, и жестокий правитель, но я ещё не сошёл с ума. Ступай. Отправляйся в свою Башню и позови мага. Пусть он решит, что делать со своей пророчицей, накликавшей на нас беду.

Нарма поднялась с колен. Её тело онемело от страха, а в ушах стоял звон. Еле слышно прошептав «Благодарю, повелитель...», она, шатаясь, покинула тронный зал, не смея обернуться на застывшую под стеклом кровавую реку.

Как только Нарма покинула зал, слёзы хлынули ручьём по её щекам. Ей было страшно, но ещё сильнее её охватывала ярость. Старый дурак! Как заставить его поверить? — метались мысли, пока она почти бегом направлялась к Башне. — Если не начать действовать сейчас, мы все проиграем. И тогда... тогда я знаю точно: его дворец будет гореть, а моя голова окажется на пике первая!

Пока в голове бушевали эти мрачные мысли, ноги сами принесли её к знакомому входу. Башня Магов была огромным и величественным зданием почти в центре столицы. Конечно, сам Артефакт хранился не здесь, но простой народ верил, что место его почитания — именно у этих стен. Люди несли к подножию Башни еду и монеты, «платя» таким образом магическому сословию за их мнимые благословения. Хотя, по большому счёту, ни Башня, ни обитавшие в ней маги к этим дарам не были причастны — их просто забирала городская стража.

Нарма с усилием потянула на себя тяжёлую дубовую дверь и шагнула внутрь. Первый этаж, как всегда, был полон суеты. Здесь толпились в основном бездарные ученики — дети богатых и знатных семей Ронкары. Их родители знали: здесь безопасно, и их чадо точно не порежется об острые углы магических фолиантов. Но с каждым следующим этажом воздух становился гуще, а магия — ощутимее. Этаж означал уровень ученика и, что важнее, ранг его мастера.

Нарме же нужно было не на второй, а на самый верх. Её курировал сам главный маг Башни — Извериус. Один из немногих, к чьим словам Бесонт иногда прислушивался.

Нарма замерла у двери кабинета Извериуса, не решаясь постучать. Глубоко в душе она надеялась, что всё обойдётся, и мастер не позволит какому-нибудь кровожадному стражнику отрубить ей голову. Но страх сковывал тело ледяными тисками.

— Я слышу твоё дыхание, Нарма. Входи!

Девушка попыталась сглотнуть ком, вставший в горле, но от волнения во рту пересохло настолько, что сглотнуть было нечем.

— Входи, моя золотая. Выпей воды. Я чувствую твою тревогу. Расскажи, что сказал наш мудрый повелитель?

Нарма вошла и машинально сделала глоток из поданного кубка.

— Мастер, вы... вы всё знаете?

— Да-да, я не просто так тут штаны просиживаю. Кое-какие фокусы имеются в запасе. Не поверил?

— Не поверил, — честно выдохнула Нарма.

— Ну что ж, — усмехнулся Извериус. — Я поговорю с ним. Думаю, мы сможем сохранить твою залитую огнём голову на плечах.

Никто точно не знал, сколько лет Извериусу. Ходили слухи, что он живёт чуть ли не со времён Единого Мира. И кое-кто в это твёрдо верил. Ведь историки ведали: когда-то было не восемь миров, а девять. Точнее, был Девятый Мир — Уроборн, — столица, вокруг которой объединялись все остальные. Уроборн был королевством, сердцем всего сущего. И всё было прекрасно, пока девять могущественных магов, презирая правление короля, не решили свергнуть его и поделить единое целое на девять осколков, чтобы править каждым по своему усмотрению.

Но даже они не были всемогущи. Чтобы осуществить замысел, маги выковали девять артефактов — каждый обладал невиданной силой и дополнял остальные. По отдельности они были могущественны, но вместе их сила становилась немыслимой, способной расколоть саму реальность.

И ещё ходил слух — шепотом, в самых тёмных уголках таверн. Говорили, что был и десятый артефакт. Ведь неважно, маг ты, человек, оборотень или тёмное существо, гном или житель водных глубин — каждый подвержен алчности и жажде власти. И один из заговорщиков, стремясь превзойти остальных, отлил особый, тайный артефакт. Но эта история так и осталась сказкой. Никто не видел Десятого Артефакта, и уж тем более не знал, какой силой он обладает.

Извериус был совсем не похож на мага. Он не носил ни роскошных одежд, ни магического пояса. Его лицо украшала легкая небритость и шрам, тянущийся от правого уха до самого носа. Ростом он был невероятно высок — даже правитель Бесонт, стоя рядом, упирался ему носом в грудь.

На улице смеркалось, и Извериус направился в свою любимую таверну, чтобы выпить бокал вина и поиграть на монеты в «чашки» с местными работягами. Игра шла, как всегда, ему на руку. Ну еще бы — маг не может проиграть, хотя Извериус свято клялся в честной игре.

Вечер обещал веселое продолжение, но внезапно в таверну ворвались стражники. Доспехи их громыхали, нарушая уютный гул.

— Извериус! Тебя ждет правитель. Немедленно!

— Бравые воины, — усмехнулся маг, даже не оборачиваясь, — разве маг сам не знает, когда должен прийти к правителю? Я должен закончить партию. Да и во мне уже достаточно вина, быть может, я навещу его завтра.

Один из стражников, самый крупный, тяжелыми шагами подошел к Извериусу вплотную. Приоткрыв забрало, он прошипел так, чтобы слышал только маг:

— У нас приказ. Если нужно, я буду тащить тебя силой через всю таверну. А завтра ты не сможешь сюда прийти, ибо твои друзья-работяги будут ржать над тобой, как над последним пьяницей.

— Ха-ха-ха! — громко рассмеялся Извериус, и в его смехе вдруг послышался звон раскаленного металла. — Забавно. Знаешь, твои доспехи будут остывать ровно до завтра, когда я переступлю порог тронного зала.

— Что? — не понял стражник.

Но отвечать ему было уже нечем. Стальные латы на его теле вдруг густо налились багрянцем, будто их снова бросили в горн кузницы. Металл зашипел, коснувшись кожаной подкладки.

— А-а-а-а! — закричал стражник, судорожно срывая с головы раскаленный шлем. Его крик эхом разнесся по таверне. Товарищи бросились к нему, пытаясь стащить пышущие жаром наплечники и нагрудник, обжигая себе руки.

Извериус же спокойно допил вино и поставил бокал на стол со звоном, заглушившим на мгновение всю суматоху.

— Передайте Бесонту, — сказал он тихо, но так, что слова легли мертвой тишиной поверх криков. — Маг будет завтра.

И, кивнув перепуганным работягам, он вышел в сгущающиеся сумерки, оставив за собой таверну, полную хаоса и запаха горелой кожи.

Ночь опустилась на мир, пронзенная ледяной тишиной. Лишь изредка ее разрывал отдаленный рев драконов — существ, что давно уже не летали в небесах и не участвовали в войнах. По древним договоренностям, использовать драконов для нападения на соседние миры было строжайше запрещено, ибо они не оставляли после себя ничего, кроме пепла. Но каждый правитель, вопреки запретам, держал их в резерве — на всякий случай. У Ронкары их было шестеро. Больше, чем у кого бы то ни было.

В башне Извериуса раздался настойчивый стук.

«Ха-ха... Нетерпеливый старик», — усмехнулся про себя маг.

Он открыл дверь. На пороге, один, без своей неизменной стражи (та осталась у подножия башни), стоял правитель Бесонт.

— Как спалось, кузнец? — спросил Бесонт, и в его голосе звенела привычная ухмылка.

— Я не спал, мой друг. Я ждал тебя. Хотел поговорить без лишних ушей, — спокойно ответил Извериус. — Иного способа заманить тебя в мою берлогу я не придумал.

— А ты хитер, Извериус. Забавно, что ты до сих пор сомневаешься в моих способностях, Бесонт шагнул внутрь.

— Ладно, не об этом сейчас. Что будем делать с твоей ученицей? Я полагаю, ты уже в курсе, какую пургу она нагнала сегодня в тронном зале.

— Да, знаю. Но почему ты исковеркал ее слова? Почему «пурга», а не «видение»? Ведь она права, Бесонт. Ты будешь гореть, если не начнешь готовиться к войне.

Правитель замер. Ухмылка сползла с его лица.

— Что? И ты говоришь мне это только сейчас? Ты отправил ко мне эту юную нахалку вместо того, чтобы прийти самому и сказать прямо?!

— Не видел в этом нужды, — пожал плечами Извериус. — Она сказала тебе всё. Я бы не смог добавить больше — ведь это не мое видение. Но я только что проник в ее сон и подтверждаю: Гидеус готовит армию. Неидеально, но в быстром темпе. Он зол — Варс отказал ему, но это не значит, что он не найдет других союзников.

Бесонт медленно прошелся по комнате, его тень колыхалась на каменных стенах.

— Я настоятельно рекомендую тебе встретиться с братом, — продолжил маг.

— Да, я знаю, наш союз априори существует, но...

— Я настаиваю на заключении союза с печатью и подписью, скрепленной кровью. Формальности сейчас — это щит.

— Я не общался с братом десять лет, Извериус! Ты думаешь, он будет слушать чушь про то, что на нас кто-то нападет?

— Именно этого я и добиваюсь. Поэтому я отправлюсь с тобой, Бесонт. И я хочу взять с собой мою ученицу.

Правитель резко обернулся:

— Ей бы голову с плеч — за острый язык! Или горы золота — за то, что разглядела!

— Именно, — тихо добавил Извериус. В его глазах вспыхнул холодный огонь. — Так давайте начнем с золота. А голову... оставим Гидеусу.

Братский союз.

Брат Бесонта был младшим, и потому ему достался отнюдь не лучший мир. Кравана была окружена водой, что делало ее уязвимой и изолированной. Старший брат, поглощенный укреплением собственной власти, совсем не помогал в правлении. Из-за этого голод и болезни много лет атаковали его земли. Правителя звали Ностеб, и он давно затаил обиду на Бесонта, считая, что тот оставил его на произвол судьбы.

Нарма, просыпайся! Мы отплываем на рассвете!

— Что? Куда отплываем? Я боюсь воды! Да я и за границу мира ни разу не выходила! Что ты задумал, Извериус?

— Девочка моя, мы плывем с правителем и сотней его воинов к его младшему брату — заключать союз. И я хочу, чтобы ты была рядом со мной.

— Но зачем там я? Еще вчера правитель хотел снести мне голову, а уже сегодня я буду рядом с ним?

— Не переживай. Мы отправимся на другом корабле. Без пафоса и роскоши.

С восходом солнца корабли тронулись. Корабль правителя был быстрее, мощнее и красивее. А тот, на котором плыли маг и Нарма, был простым. Зато на нем было куда веселее. Со стороны могло показаться, что на носу и нет никакой войны, а Извериус и Нарма так вообще играют свадьбу: много вина, игры и мордобой среди матросов. Погода была прекрасная, море спокойное. Нарма и вовсе не успела испугаться воды — море встретило ее очень дружелюбно.

Плыть пришлось недолго, всего шесть ночей. Но за это время Нарма и Извериус знатно повеселились.

На корабле правителя царили совсем другие настроения. Бесонт пил вино в своем кабинете, рассматривал карту миров и пытался понять: какую же силу нашел Гидеус? Почему он осмелел? Что им движет? Он встал, глядя в окно на бескрайнее море. «Да-а... Я и сам мечтал воссоединить миры под моим началом. Но даже с моей армией это невозможно. Чем же обладает он, что так рьяно начал атаковать самого сильного игрока?»

Корабли достигли цели, и вот перед ними предстал мир Кравана. Бесонт ступил на землю и был поражен. Вокруг была такая чистота, по периметру — много стражи, все в новых доспехах. Новые, красивые здания украшали центр мира, на торговых лавках — куча еды и оружия. Жизнь кипела. Это был не тот убогий, голодающий мир, который он помнил.

Бесонт повернул голову и сказал Извериусу:

— Да-а... Тут все изменилось с моего последнего визита. Я думал, тут куда хуже, — произнес он с ноткой зависти и неловкости.

И вот из огромного тронного зала вышел правитель.

— О, мой брат! Как же ты долго плыл, когда ты был мне так нужен... Но это дело уже давно утонуло в морях. Теперь у нас все прекрасно. И вот он ты, на своем прекрасном корабле. Проходите в зал, стражу можно оставить на улице.

Тронный зал был полной противоположностью залу Бесонта. Тут было больше света, в горшках стояли деревья, плиты под ногами шли в шахматном порядке, колонны были белоснежными. Тут было столько деталей, что их можно было перечислять до утра. Превосходной красоты зал.

Как подобает правителю, Ностеб занял свой трон.

— Я слушаю вас. Меня разрывает любопытство: отчего же мой старший брат решил меня посетить? Неужто от глубокой братской любви? — в его голосе звучала легкая, но отчетливая насмешка.

— Послушай меня, брат. Меня заставило посетить тебя кое-что похуже любви. Грядет война между мирами, и я здесь, чтобы заручиться твоей поддержкой и заключить союз, в котором я буду уверен.

— Что? Война? Из-за своей паранойи притащился ты сюда? Я не желаю слышать слово «война» у себя в мире!

— Послушай, я понимаю, что мы — не лучшие подтверждение братской любви. Но мне нужен этот союз, — сказал Бесонт, стараясь сдержать раздражение.

— Вы можете остаться, погулять в моих садах, насладиться пиром, а после — отплыть. И можешь быть уверен: для моей помощи тебе нам не нужны формальности. Я и так помогу.

Шаг вперед делает маг. Он берет слово.

— Простите, повелитель, но это не домыслы и не паранойя. Я, как маг, подтверждаю: эта юная девица видела войну и кровь, в которые вы, волей или неволей, но будете втянуты. Вопрос лишь в том, на какой стороне. И именно для этого нам нужны доказательства больше, чем устное обещание.

— Твой маг, Бесонт, очень нагл и бестактен. Я не хочу вас слушать... — Ностеб оборвал себя на полуслове и взглянул на Нарму. — Но вот девушка... Что ты видела?

Почему-то из всех присутствующих Ностеб захотел поверить именно ей. Он выслушал рассказ о ее видении и только кивал головой. Выслушав историю целиком, он встал с трона.

— Что ж... Увлекательные вещи рассказывает эта юная особа. Я должен удалиться, чтобы посоветоваться со своими помощниками по военному делу. Оставайтесь до утра. С первым лучом солнца я дам ответ.

Стража проводила всех в отведенные покои, кроме Бесонта. Он пожелал пройтись по садам, подышать воздухом центра. Гуляя, он размышлял о том, как брату удалось достичь столь невероятного процветания.

Тем временем Нарма постучала в дверь соседних покоев, где расположился Извериус.

— Войду?

— Конечно, входи. Ты уже оценила свои хоромы?

— Оценила. Но мне кажется, нашему правителю не стоит слишком много расхаживать по этим зданиям и садам. Иначе кто-то очень рассердится.

— Да, здесь очень красиво, — согласился Извериус. — Даже слишком. Не находишь это странным? А ещё я всё думаю: зачем я здесь? Почему он послушал именно меня?

— Видишь ли, Ностеб ни за что не стал бы слушать нас. Но он очень падок на женщин, особенно таких... впечатляющих, как ты. Я кое-что знаю о нём, и для этого не обязательно быть магом. Но всё сложилось куда лучше, чем я ожидал.

Наступила ночь. Бесонт не смог уснуть. В тишине он услышал, как по коридору кто-то быстро идёт — шаги становились всё громче. Дверь распахнулась, и на пороге возникла тень его брата, Ностеба.

— На горизонте замечены гарлы! — выпалил правитель без предисловий.

Бесонт вскинулся на кровати.

Гарлы?¹

— Я так понимаю, они по твою душу, брат, — голос Ностеба был жёстким. — Они не подлетали к нашим берегам с момента моего правления. Дозорные на башне даже не сразу опознали их — обычные стражники не видели гарлов живьём уже много лет.

Бесонт почувствовал, как холодная тяжесть опустилась ему в грудь.

¹ Птицы-разведчики. Они выслеживают конкретного человека или существо, отмечая его перемещение на карте. Умные и неутомимые твари

— Грядут тёмные времена, — мрачно констатировал Ностеб. — На рассвете мы подпишем союзнический пакт. А тебе следует отправиться в свой мир как можно скорее. И разослать весть об этом тем правителям, кому ты доверяешь.

Братья.

Наступило утро. Бесонт так и не смог уснуть, и именно поэтому они с братом тихо, без лишних глаз, подписали договор кровью на двух экземплярах, как только первый луч солнца коснулся окна. Ещё какое-то время они говорили о политике, о том, кому стоит послать весть о надвигающейся войне, а кого следует опасаться.

В дверь кабинета Ностеба постучали. Это был Извериус. Он любил поспать и потому не особенно торопился на встречу, но уже знал, что вскоре им предстоит отплытие.

— С добрым утром, — сказал Бесонт.

— А где остроязычица? Она тоже любит поспать? Или, может, ночью ты мешал её сну? — добавил он с ухмылкой.

Сказанное не понравилось Ностебу — правитель искренне верил, что после жеста доверия Нарма уже влюблена в него.

— Нет, что вы, — вмешался маг. — Эта юная девица отнюдь не для меня.

Ностеб выдохнул с облегчением, все слегка усмехнулись.

Внезапно дверь кабинета резко распахнулась. На пороге стоял запыхавшийся стражник.

— Повелитель! — вскрикнул он. — Там девушка, что была с магом... Она кричит! Очень громко кричит в своих покоях, но глаза её закрыты! Что нам делать?

На пару секунд воцарилась тишина. Все переглянулись. Извериус повернулся к правителям и твёрдо промолвил:

— Я проверю.

И он вышел вслед за стражником.

Извериус шёл очень быстро, почти бежал, и стражник едва поспевал за ним. Маг обернулся:

— Можешь не идти. Я сам разберусь.

Покои Нармы и Извериуса находились на самой границе мира, в трёхэтажном здании, стоявшем почти на краю обрыва. Внизу бушевало море. В голове мага прокручивались чёрные мысли: вдруг на ученицу навели порчу? Вдруг она сиганёт в окно и разобьётся о скалы? Каждая следующая мысль была хуже предыдущей. Он побежал. Вот и величественное здание перед ним. «Только бы преодолеть ступени с такой же скоростью», — мелькнуло у него в голове.

Поднимаясь на третий этаж, он уже слышал её крик. Он был страшен — будто её режут изнутри. Ещё мгновение — и он окажется у двери.

Распахнув её, Извериус увидел, как всё тело Нармы сковывают судороги. Кулаки были сжаты так сильно, что ногтями она впиалась в ладони, и на простынях проступали капельки крови. Маг положил руку ей на лоб.

— Нарма!

Девушка открыла глаза и сделала судорожный, глубокий вдох.

— Что ты видела? — тихо, но настойчиво спросил маг.

— Я... я видела... — запыхавшись, пыталась ответить девушка. — Огонь. Я видела обломки кораблей в море... видела мёртвых. Я была маленькой девочкой... огонь окутал меня. Это кричала не я... это кричала моя мать. Я чувствовала, как кожа слезает с моего тела.

— Где это было? — голос Извериуса стал жёстче. — Море было у наших берегов или в мире Ностеба? Отвечай!

— Я... я не знаю, — испуганно прошептала Нарма. — Я видела множество отрывков, но они мелькали слишком быстро... я не могла задержать мысль, чтобы разглядеть, что было вокруг.

Извериус тяжело опустился на край её кровати, положил руку на её колено и слегка похлопал, пытаясь успокоить.

— Нам нужно уплывать, — сказал он без тени сомнения. — И как можно скорее.

Извериус покинул покои Нармы, чтобы та успокоилась и могла собраться перед отплытием. К сожалению, маг совсем не умел утешать, а потому поспешил ретироваться. Но не только в этом была причина его стремительного ухода: он жаждал как можно скорее рассказать правителям о новом видении провидицы.

Перед отплытием Бесонт и Ностеб решили прогуляться по садам, чтобы в последний раз насладиться их красотой. К счастью для Извериуса, сад находился куда ближе, чем кабинет правителя, и магу не пришлось снова мчаться на всех парах, словно почтовой птице.

— О, Извериус! — окликнул его Бесонт, заметив приближающуюся фигуру. — Угостись дивным вином моего брата, — протянул он бокал.

— Нет, — резко отказался маг, даже не взглянув на сосуд. Его лицо было серьёзным. — Послушайте. У Нармы снова было видение. Из её слов я понял, что на один из миров будет нанесён удар. Но я не смог понять, на какой именно. Рядом было море и горящие корабли... но ведь и наш мир тоже омывают воды.

Ностеб перебил его, и в его голосе прозвучала холодная рассудительность военачальника:

— Ваш мир находится рядом с морем, архимаг. А наш стоит на нём. Если бы я захотел напасть на брата, я бы не стал наступать с воды. Войска не успели бы коснуться суши, как их перебили бы ещё в самой пучине. Нет. Атака будет либо на мой мир, либо на мир Бормонд.

— Верно подметил, — кивнул Бесонт, и его взгляд стал расчётливым. — Чтобы напасть на Бормонд, нужно преодолеть либо горы, либо море. Горы — путь долгий и тяжёлый для большой армии. Море... море — это риск, но и фактор внезапности.

Ностеб задумчиво почесал бороду, его глаза сузились, оценивая стратегическую карту в уме.

— Вам нужно отплывать. Сейчас же. Как бы там ни было, мы должны быть готовы. А я лично отправлю весть в Бормонд. Пусть тоже будут в курсе. Может, они сочтут это знаком доброй воли — наше намерение предупредить их о возможной буре.

— Корабли готовы! — доложили Ностебу.

Всё это время в кабинете правителя шла оживлённая беседа, но с докладом она мгновенно оборвалась. Птица с предупреждением для Бормонда была уже в пути.

— Пойдёмте, господа, я провожу вас к кораблям, — сказал Ностеб, поднимаясь из-за стола.

— Извериус, — обратился к магу Бесонт, — пойдёшь с нами?

— Я пойду помогу Нарме с её вещами, — ответил маг. — Бесонт, мы увидимся уже в Ронкаре.

Извериус направился за девушкой, а правители вышли в сторону причала.

Пока они шли по галерее, выходившей к морю, Ностеб нарушил молчание:

— Брат, думаю, тебе немного боязно отправляться в свой мир с таким ничтожно малым сопровождением. Я дам тебе пять кораблей. Они будут сопровождать вас до границ Ронкары.

— Что ты хочешь взамен? — спросил Бесонт, остановившись и глядя брату в глаза.

— Мне ничего не нужно, брат. Всё, чего я хотел, осталось в прошлом, и этого нам уже не наверстать.

Они смотрели друг на друга — два правителя, разделённые долгой враждой, но сейчас объединённые общей угрозой. Затем Бесонт протянул руку. Ностеб пожал её крепко, по-военному. Хотя в такое время можно было бы и обняться — ведь, возможно, они видели друг друга в последний раз.

Описание мира Бормонд и артефакта.

Правитель! Пришло послание из Краваны. Вам пишет правитель Ностеб.

Мир Бормонд разительно отличался от Краваны и Ронкары. Его магический артефакт — тяжелый боевой топор с рунами, пылающими на темной рукоятке, — никогда не был изолирован. Он всегда находился при правителе, являясь символом его власти. Артефакт постоянно излучал свою силу, воздействуя и на владельца, и на всех жителей мира. С каждым оборотом луны люди Бормонда становились чуть ниже ростом, но невероятно крепче и сильнее обычного человека. Чтобы одолеть в бою даже женщину этого народа, требовалось не менее двадцати обученных воинов. В других мирах их прозвали гномами. Сам правитель, Черод, испытывал на себе то же влияние, но в многократно усиленной степени, обладая мощностью, сравнимой со стихийной силой.

Сцена в тронном зале

— Принеси письмо и найди того, кто сможет его прочесть, — раздался низкий, словно подземный грохот, голос Черода.

Стражник, низко склонив голову, поспешил удалиться из тронного зала. Зал был мрачен и аскетичен: никакой роскоши, лишь голый камень стен, сырость и плесень в углах. Скрип дверей звучал жутко и надрывно — их давно пора было заменить, но мир пребывал не в лучшем положении.

Вскоре нашли чтеца. Тот, дрожащим голосом, озвучил предупреждение Ностеба о надвигающейся извне угрозе. Черод слушал, не двигаясь, и на его лице не дрогнул ни один мускул. Казалось, новость не вызвала в нем абсолютно никаких эмоций.

— Дай сюда, — Черод протянул руку.

Взяв пергамент, он медленно, с какой-то леденящей театральностью, разорвал его на мелкие клочья. Затем поднялся с трона — массивного, обитого потрескавшейся кожей. Неспешными, тяжелыми шагами он подошел вплотную к чтецу, все еще стоявшему на коленях. Молниеносный взмах топора — и голова с глухим стуком покатилась по каменному полу. Тело рухнуло следом.

Стражники переглянулись, затаив дыхание.

— Убрать тело, — произнес Черод, его голос был спокоен и пуст.

Он развернулся к своему трону и тяжело направился к нему, шепча что-то под нос, словно ведя беседу с самим собой:

— Да кому нужна эта дыра...

Указ

Прошло немало времени с тех пор, как в Ронкару вернулись правитель, маг и его ученица. За эти дни Бесонт отправил лишь одно послание о союзе в Техору, но ответа так и не получил.

Раздался стук в дверь.

— Извериус, можно войти?

— Конечно, Нарма, входи.

Девушка вошла, ее лицо выражало беспокойство.

— До меня дошел слух, что сегодня на площади главнокомандующий армией выступит с важным объявлением. Это правда?

— Правда, — кивнул Извериус. — Но о содержании его речи я, увы, не знаю.

В этот момент над городом прогремели три тяжелых удара колокола — сигнал сбора на главной площади мира.

— Нарма, ты и впрямь великая провидица, — с тенью ухмылки сказал маг. — Пойдем, послушаем.

Они вышли на улицу и присоединились к потоку людей, стекавшему к центру города. На площади собрались тысячи — от мала до велика. За спиной главнокомандующего, грузного мужчины в латах, выстроились десятки высших чинов. Но самого правителя Бесонта среди них не было.

В руках командующего был свиток. Он ждал, пока стихнет гул толпы, готовый вот-вот его огласить.

Постепенно площадь затихла в напряженном ожидании. Военачальник развернул пергамент.

— Зачитывается указ правителя, вступающий в силу с момента сего оглашения! — его голос прозвучал томно и тяжело, будто читал он похоронную речь. — Всем жителям мужского пола в возрасте от четырнадцати до семидесяти лет надлежит вступить в ряды армии правителя Бесонта для ее укрепления и обучения военному делу. Исключение — лишь для тех, у кого отсутствует одна или более конечностей. Все прочие случаи будут рассмотрены независимой комиссией. Указ оглашен!

На секунду воцарилась гробовая тишина, которую тут же взорвал ропот, переходящий в гул негодования.

— Это что же, наших детей заберут?! — крикнул кто-то из толпы.

— Малодушных в солдаты?!

Ропот превратился в яростный рев. Первый камень полетел в сторону помоста, угодив в щит одного из стражников. За ним — второй, третий. Толпа взбушевалась. Люди выкрикивали проклятия в адрес военачальников, оскорбляли самого правителя.

Стражников вокруг становилось все больше, они смыкали ряды, выстраивая стену между народом и чиновниками. Градус ярости нарастал. Кто-то попытался прорвать цепь — и тут же раздался резкий, холодный звук выхватываемого из ножен меча. Еще один — и первый стражник замахнулся.

Крик. Звон стали, рассекающей плоть. Первая кровь мирного жителя брызнула на камни мостовой. Мужчина, в руке которого был лишь булыжник, беззвучно рухнул.

Это стало искрой в пороховой бочке. С рёвом отчаяния и мести толпа обрушилась на стражу. Военачальник и его свита в панике бросились прочь с площади, спасаясь от летящих камней и всеобщей ярости.

— Извериус, что происходит?! — в ужасе воскликнула Нарма, цепляясь за рукав мага.

— Безумие, — сквозь зубы произнес маг. — Нам нужно уходить. Сейчас же. Я провожу тебя до башни, а затем мне необходимо к правителю. Немедленно.

Он резко развернул девушку и потащил за собой, пробираясь сквозь обезумевшую толпу. Звон мечей, крики боли и ярости не стихали, а лишь нарастали с каждой минутой.

— Так, Нарма, поднимайся в мой кабинет и запри дверь. Я, конечно, не думаю, что кому-то взбредет в голову нападать на башню, да и маги внутри способны справиться с такой толпой. Но закрой ее — так мне будет спокойнее.

— Хорошо, Извериус. Но, может, ты переждешь бунт со мной? — в голосе девушки слышалась тревога. — Я боюсь, ты не проберешься сквозь толпу к тронному залу.

— Не переживай, девочка. Я на то и маг, — сказал он, накидывая капюшон на голову. Его лицо скрылось в тени, и в этот момент он выглядел не просто учителем, а чем-то гораздо более древним и опасным.

Улицы и вправду кишели людьми, но, как ни странно, стражников рядом не было — все они, как выяснилось, стянулись к резиденции правителя. Подойдя к тронному залу, Извериус увидел, что почти вся стража мира выстроилась живым щитом перед его стенами. У входа толпилось уже не так много народу — видимо, самые отчаянные или самые любопытные. Маг свободно прошел среди них, а стража, узнав его, молча расступилась.

Двери тронного зала распахнулись. Извериус наглым, твёрдым шагом прошёл по Кровавой тропе, по бокам кое-где алели свежие пятна — то ли грязь, то ли кровь, занесённая с улицы. Он почти вплотную подошёл к правителю, сидевшему на троне.

— Что ты творишь, мой дорогой друг? — спросил Извериус, и его тихий голос прозвучал громче любого крика в напряжённой тишине зала.

— Такое время! — рявкнул Бесонт, вскакивая. Его лицо было бледным от гнева и бессонницы. — Техора не дала ответа, а мне нужно, чтобы каждая душа в этом чёртовом мире могла держать меч!

— Я прекрасно слышу тебя, Бесонт. На меня не нужно повышать голос, — холодно парировал маг. — Разве союза с братом недостаточно? Волновать народ такими указами — не лучшая идея. Правильнее было бы донести до людей, что мы на пороге войны и мир нуждается в добровольцах. Разве твой военный совет не смог додуматься до этого?

— Я не собираюсь играть в игры, Извериус! — Бесонт ударил кулаком по подлокотнику трона. — Ты слышал свою девчонку! У нас нет времени для угод народу! Да мне плевать, что подумают обо мне люди. Но когда их мужья и сыновья смогут защитить эти стены, тогда они скажут мне спасибо! А ты, маг... вот и знай своё место. Готовь артефакт. Мне не нужны твои советы! — выкрикнул он со злостью.

В этот момент двери зала снова распахнулись. В зал, согнувшись в почтительном поклоне, вошёл один из советников Бесонта.

— Правитель, — поклонился он ещё раз, затем кивнул и Извериусу. — Маг.

— Говори, — бросил Бесонт, не глядя на него.

— Бунт подавлен, правитель. На данный момент убито восемьдесят три самых буйных жителя. Из них... тринадцать детей. И ещё восемь наших стражников.

Извериус медленно повернул голову к советнику. Его глаза, казалось, потемнели.

— Буйных? — тихо переспросил он. — Тринадцать детей тоже были «особо буйными»? Кидались в стражу... смертельными пряниками?

— **Извериус!** — грохнул правитель, и его окрик отозвался эхом под сводами. — Кажется, тебя заждались в башне.

Маг замер на мгновение, глядя на Бесонта взглядом, в котором не осталось ни капли прежней дружбы. Затем он склонил голову в едва уловимом, ледяном поклоне.

— Да, правитель. Пожалуй, пойду... сдувать пыль с артефакта.

Он развернулся и вышел из зала тем же твёрдым шагом, оставив за спиной тяжёлое молчание, разбавленное лишь тяжёлым дыханием разгневанного правителя.

Гнев кипел в Извериусе, как расплавленный металл. Каждое слово Бесонта, каждый звук его голоса отзывались в памяти ядовитым эхом. Но, спускаясь по лестнице в подземелье под башней, маг заставлял ярость остывать и отступать, сменяясь холодной, кристальной ясностью. Он шёл к артефакту не по приказу. Он шёл к нему ради мира, который, несмотря на всё безумие его правителя, всё ещё был его домом. Война приближалась — в этом они с Бесонтом были, увы, едины.

Старый друг.

Артефакт покоился глубоко под башней, в древнем подземелье. Специальной охраны он не требовал — немногие во всём мире понимали, как к нему даже подступиться, не то, что использовать. Но традиция есть традиция: у входа в святилище всегда несли вахту двое стражников.

Спустившись в сырой полумрак, Извериус увидел их — двух молодых солдат, замерших в почтительном, но напряжённом стойке. Услышав шаги, они вздрогнули и переглянулись.

— Э-эм... Пароль? — неуверенно произнёс один из них, цепляясь за устав.

— Пароль, — сухо повторил маг, не останавливаясь.

Стражники снова обменялись растерянными взглядами. Они явно впервые видели здесь кого-то, кроме своих напарников по смене.

— Да, парни, — вздохнул Извериус, и в его голосе вдруг проглянула усталая снисходительность. — За всю службу, кроме сменщиков, тут никого не было?

— Н-нет, господин маг.

— Я здесь по воле правителя. Поднимитесь наверх, подышите воздухом. Таким бравым воинам, думаю, не помешает проветрить головы. Ваша служба здесь завершена.

Один из стражников пригляделся, и глаза его округлились.

— Стой... Да это же тот маг! Который в трактире...

— ...заставил плавиться латы Пулива, когда тот полез драться! — закончил второй, и в его голосе прозвучал неподдельный трепет. — Простите, господин Извериус, мы вас сразу не признали! О вас... легенды ходят. Проходите, мы оставим вас наедине.

Они почти бегом бросились отпирать массивную железную решётку, а затем поспешили вверх по лестнице, их шаги быстро затихли в вышине.

Извериус пересёк порог. Щелчком пальцев он зажёл несколько факелов в старинных железных держателях. Пламя выхватило из тьмы гигантское подземное хранилище. Оно было завалено — нет, не просто завалено, а заброшено — грудями старого оружия и доспехов, покрытых вековой ржавчиной и пылью. Мечи, щиты, наконечники копий. Мелькнул тусклый блёклый блеск позолоты на шлеме, сверкнула в гряде хлама одинокая золотая монета. Это был резерв мира, не тронутый со времён Великого Раскола. Могила былой мощи.

И в центре этого забытого кладбища амбиций, на низком каменном пьедестале, стоял простой кожаный сундук, потертый временем, но целый.

Извериус шагнул вперёд. Его шаги гулко отдавались в каменной пустоте. Он подошёл к пьедесталу, остановился и на мгновение замер, глядя на сундук. Затем медленно, почти с нежностью, положил на его крышку ладонь.

— Здравствуй, старый друг, — тихо произнёс он. — Помощник. Прошло четырёста тридцать лет... Пора снова приниматься за работу.

Сундук открылся беззвучно, будто крышка и не была заперта вовсе. Внутри, на бархатной подкладке, цвета которой давно съела пыль, лежал браслет.

Он был выкован из тёмного, почти чёрного металла, отполированного до зеркального блеска, в котором тускло отражалось пламя факелов. Его украшали три кроваво-красных кристалла: один, крупный и огранённый, в центре, и два поменьше — по бокам. Внутренняя сторона была покрыта витиеватыми письменами на языке, забытом ещё до Великого Раскола. Извериус, не отрывая взгляда, провёл пальцем по холодной поверхности, ощущая подушечками шероховатость древней гравировки. Он знал, что там написано. Фраза, от которой стыла кровь: **«Два — чтобы править. Три — чтобы поставить на колени».**

Маг медленно, почти с благоговением, взял браслет. Металл был холоднее льда. Он сделал глубокий вдох и надел его на запястье.

Ничего не произошло. Лишь на миг.

Затем по подземелью пронёсся ветер, которого не могло быть в каменной гробнице. Он был, срывая вековые пласты пыли с груды доспехов и оружия. И там, где он касался ржавой стали, происходило чудо: ржавчина осыпалась, как сухая кожа, обнажая металл, сияющий и острый, словно его только что вынесли из горна. Стены затрещали, закачались, с них посыпалась каменная крошка. Гул нарастал, заполняя собой всё пространство.

Извериус закрыл глаза. Сила, древняя и неумолимая, хлынула в него, как ледяная река.

Наверху, у входа, массивная железная решётка с оглушительным лязгом сама захлопнулась, а затем снова распахнулась, будто невидимый великан дышал.

Но главное происходило в центре зала. Доспехи — нагрудники, поножи, шлемы, латные перчатки — начали двигаться. Не просто падать, а собираться. Стальные пластины с глухим стуком примагничивались друг к другу, формируя грубые, но чёткие силуэты. Из грудных кирас вырастали подобия плеч, к ним прирастали наплечники, к поножам — набедренники. Пустые шлемы поворачивались туда, где должно быть лицо, и в их глазницах вспыхивали тусклые алые огоньки. Это не были големы, слепленные из камня. Это были призраки брони, воины, чьи тела истлели века назад, но чья воля к битве была вкована в сам металл.

Артефакт вдохнул в бездушную сталь вторую жизнь.

Их было сто. Сто стальных исполинов, каждый — в три человеческих роста. Они стояли, подавляя своим видом: широченные плечи, мощные торсы, собранные из лучших лат эпохи Раскола. Огонь факелов играл на их полированных поверхностях, и казалось, что по залу выстроилась шеренга холодных, безликих солнц. Последний лязг стих. Воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня. Сто стальных солдат стояли в идеальном строю, неподвижные, обращённые к тому, на чьей руке горели три красных кристалла. Они ждали приказа.

Извериус открыл глаза.

Его глаза, до этого тёмно-карие, теперь пылали тем же алым светом, что и кристаллы браслета и глазницы его новых воинов. Взгляд стал твёрже, острее, в нём появилась безжалостная глубина, которой не было прежде.

Он знал историю этого артефакта. Таких браслетов было создано два. Второй, с зелёными, был у Гидеуса — он повелевал силами земли. А этот, **«Кровавый Наследник»**, с красными камнями, был его уделом. Его сила была проще и страшнее: он будил к жизни сталь, закалённую в великих битвах прошлого, делая её своей непреклонной армией. Но не всякая сталь была ему подвластна — только та, что помнила вкус крови и хаос Раскола, та, что лежала здесь, в этой заброшенной гробнице славы.

И это была не единственная его сила. Извериус чувствовал, как магические потоки внутри него, обычно требующие концентрации и жестов, теперь текли свободно и мощно, будто плотины в его душе были разрушены. Браслет усиливал своего носителя, делая из талантливого мага — архимага, из архимага — живую стихию.

И была у него третья, самая мрачная способность, о которой говорили шёпотом даже в древних свитках: когда браслет был надет, поглощал искру жизни каждого существа, поверженного рукой хозяина, превращая её в годы, которые прибавлялись к веку носителя. Он был не просто оружием войны. Он был источником бессмертия, оплаченного смертями.

Извериус посмотрел на строй своих стальных призраков, затем на браслет, холод которого теперь стал частью его собственной плоти.

Похоже, работа начинается, — тихо сказал он, и его голос, окрашенный новым, металлическим тембром, отозвался эхом в каменной гробнице.

В путь.

Тронный зал Бесонта был полон холодного, безжизненного величия. Высокие колонны, упирались в потолок, расписанный звёздами, которые никогда не тускнели. Сам правитель восседал на троне, его фигура казалась неподвижной и вечной, как статуя.

Двери распахнулись беззвучно, впуская Нарму. Её шаги тихо отдавались эхом по полированному полу. Она приблизилась к подножию трона и опустилась на одно колено, склонив голову.

— Правитель, вы хотели меня видеть, — произнесла она, и её голос, обычно уверенный, здесь звучал приглушённо.

— Да, моя юная переговорщица. Ты можешь встать.

Нарма поднялась, встретившись взглядом с Бесонтом. Его глаза, цвета старого льда, изучали её без намёка на эмоцию. Она не выдержала и спросила, нарушив протокол:

— Я уже шесть ночей не видела Извериуса. Скажите, правитель, он на задании? Я... волнуюсь. В башне магов ходят тревожные слухи.

— Да, дитя. Он выполняет моё поручение. Тебе не нужно вникать в подробности, — голос Бесонта был ровным, но в нём прозвучала сталь, пресекающая дальнейшие расспросы. — Я позвал тебя не за этим.

Он сделал паузу, давая ей понять, что тема закрыта.

— Видишь ли, нам нужно укрепить союз. И мне необходимо знать ответ Техоры. Никаких вестей. Дошло ли моё письмо с просьбой о помощи? Вдруг птицу убили, и послание не достигло цели. Мы с правителем Саозуном — давние друзья. Он не смог бы не ответить на мой призыв. И так уж вышло, что ты неплохо справились в мире моего брата. Он тебя послушал. В тебе есть дар убеждения. Я уверен, он поможет нам и в этот раз.

Нарма молча слушала, чувствуя, как в груди сжимается холодный комок. Её отправляли прочь, в самый момент, когда Извериус исчез.

— С тобой я отправлю десять воинов личной охраны и главного мастера меча столицы — Эдионта. Под его началом я буду спокоен за твою безопасность. Путь займёт около трёх месяцев. Как только правитель Саозун даст ответ, отправь птицу в наш мир и возвращайтесь.

— Правитель, — Нарма сделала шаг вперёд, и в её голосе прозвучала мольба, которую она не смогла скрыть. — Могу я попрощаться с Извериусом?

Взгляд Бесонта стал ещё холоднее.

— Нет, дитя. Его нет в столице. Он далеко за гранью твоего восприятия. Я передам ему слова твоего прощания.

Её судьба была решена. В этот момент тяжёлые двери зала снова распахнулись. Внутри вошли десять воинов в латах. А во главе них шёл мужчина, чьё присутствие затмило всех.

Это был Эдионт. Высокий, с плечами кузнеца, он двигался с грацией хищной кошки. Его доспехи, в отличие от стандартных, были чеканной работы и сияли холодным серебристым светом. В правой руке он нёс шлем особой работы — его очертания повторяли голову орла с опущенным забралом-клювом. Волосы, тёмные и коротко остриженные, открывали суровое, волевое лицо с пронзительным взглядом. Его походка была не просто уверенной — она была тихой, смертоносной и неоспоримо главной. Рядом с ним даже отборные воины казались просто статистами.

Он остановился на почтительном расстоянии от трона, склонил голову правителю. Десять воинов позади него, как один, опустили на колено. Затем Эдионт, с той же безупречной выдержкой, поклонился и Нарме, признавая в ней свою подопечную.

— Правитель, мы готовы к отправлению. Ждём ваших указаний, — его голос был низким и спокойным, как гул далёкой грозы.

Бесонт повернул голову к Нарме.

— Собирайся в путь. Вы должны покинуть столицу до темноты.

— Да, — едва слышно ответила Нарма, чувствуя, как стены тронного зала смыкаются вокруг неё. Не сказав больше ни слова, она развернулась и вышла, оставив за спиной холодный мрамор, непроницаемого правителя и безмолвный, стальной взгляд своего нового защитника.

Собрав в дорогу всё необходимое, Нарма медленно шла по улицам столицы. Она не спешила, впитывая взглядом каждый камень, каждый силуэт башни на фоне неба. Ей хотелось, чтобы картины родного мира отпечатались в памяти — путь предстоял долгий, а возвращение было туманным.

На главной площади её шаг замедлился. Здесь, у подножия колонны с гербом Бесонта, был зачитан тот указ — о призыве на службу. Здесь начался бунт, давка, крики. И здесь же сильная рука Извериуса выхватила её из обезумевшей толпы, увёл в тихий переулок, не выпуская из-за спины, как щит. Несмотря на весь ужас того дня, для неё это воспоминание осталось тёплым островком — его решимость, его защита.

Она вздохнула, отгоняя нахлынувшие чувства, и направилась к главным воротам.

У выхода из города, на пыльной обочине, её уже ждали. Одиннадцать воинов в латах, сидевшие в седлах неподвижно, как изваяния. Их кони топтали землю, нетерпеливо фыркая. Чуть в стороне, будто сторонись общей суеты, был привязан одинокий конь — белоснежный, с гривой, струившейся, как молочный водопад. Его седло и сбруя были простыми, но безупречно чистыми.

Нарма молча подошла, уложила свои нехитрые припасы, ловко вскинула ногу и оседлала скакуна. Конь под ней вздрогнул, почувствовав всадницу, и замер, будто ожидая команды.

— В путь, — раздался спокойный, негромкий голос Эдионта.

Он был уже в седле, его фигура в чеканных доспехах казалась неотъемлемой частью могучего боевого коня. Колонна тронулась — сначала шагом, затем, выехав на дорогу, перешла на размеренную рысь. Нарма оказалась во главе, плечом к плечу с командиром. Правила вежливости и её статус подопечной требовали этого, но близость к нему лишь усиливала чувство одиночества.

Первые сутки они скакали почти молча. Обменивались лишь необходимыми короткими фразами: «Привал», «Вода впереди», «Ночь здесь». Эдионт был сосредоточен на дороге, его взгляд постоянно скользил по горизонту, опушке леса, дальним холмам — выискивая невидимые глазу угрозы. Его молчание было не пустым, а насыщенным, напряжённым, как натянутая тетива.

Нарма же погрузилась в себя. Пейзажи сменяли друг друга: сначала знакомые поля и хутора, потом редкие перелески, а к вечеру уже и настоящий лес, пахнущий сыростью и хвоей. Она смотрела на уходящую вдаль дорогу, на облака, плывущие куда-то на восток, и думала об одном. Мечтала, чтобы вместо этого сурового, молчаливого стража рядом с ней сейчас был Извериус. Чтобы он, а не Эдионт, указывал рукой на далёкую горную цепь. Чтобы его смех, а не скрип седла, нарушал тишину привала. Её мысли были её единственным утешением в этом вынужденном, одиноком путешествии.

— Привал, — сухо бросил Эдионт, не повышая голоса.

Десять воинов, будто единый механизм, спрыгнули с коней и принялись за дело. Нарма осталась в седле, демонстративно поправляя складки платья. Пусть этот капитан видит: она не его солдат, чтобы подчиняться голой команде. Она спешит, когда сочтёт нужным.

Пока воины разбрелись кто за водой, кто за хворостом, а двое скрылись в лесной чаще на разведку, Нарма наконец медленно, с подчёркнутой грацией, соскользнула на землю. Привязала своего белого коня к дереву, расстелила на сухой траве кусок тонкой ткани и достала из сумки книгу в потрёпанном кожаном переплёте — один из тех фолиантов, что она прихватила из башни магов.

Она погрузилась в чтение, стараясь не замечать суеты вокруг. Тень упала на страницу.
— Что читаете? — голос Эдионта был ровным, без намёка на любопытство.

Нарма, не отрывая глаз от строк, ответила с холодной вежливостью:

— Книгу под названием «Не суйте нос не в своё дело». Благодарю за проявленный интерес.

Эдионт не ушёл. Вместо этого он присел на корточки, оказавшись с ней на одном уровне. Его движение было бесшумным, как у хищника. Когда он заговорил вновь, его голос стал тише, но приобрёл металлическую твёрдость.

— Послушай. Я не набиваюсь в друзья. Мы в пути четверо суток, а впереди — месяцы. Если хочешь по прибытии в Техору помнить, как говорить, советую практиковаться на том, кто сможет тебя выслушать. Мои ребята, — он кивнул в сторону воинов, — не станут с тобой болтать. Они боятся, что ученица мага наколдует им пороссячий хвост за неверно подобранное слово.

Нарма медленно подняла на него взгляд.

— А вы? — спросила она с вызовом. — Вы не боитесь?

Уголок его рта дрогнул в чём-то, отдалённо напоминающем улыбку.

— Одним хвостом больше, одним меньше. Невелика потеря.

В его словах была грубая логика. Мысли об Извериусе снова накатывали тоской, и тишина между ними вдруг показалась невыносимой. Да, это был солдат, «бездушная машина для убийств», как она мысленно окрестила его раньше. Но он был здесь. И он говорил.

— Я читаю о растениях, — наконец сказала она, смягчая тон. — О тех, что лечат не только телесные раны, но и душевные.

Эдионт, всё ещё присев на корточках, покачал головой.

— Душевные? Душу можно пронзить мечом, отравить ядом. Как растение это исправит?

Нарма смотрела на него с внезапным пониманием и жалостью.

— Вы что, никогда не любили? — вырвалось у неё.

— Люблю, — последовал немедленный, будто вымуштрованный ответ. — Свой меч. Он никогда не подводит.

— Я не об этом, — вздохнула Нарма. — Родителей? Друга? Женщину?

Лицо Эдионта не дрогнуло.

— Я не знал родителей. Меня нашли умирающим в канаве и отнесли в Гарнизон. Армия выходила, обогрела, вырастила и обучила. Всё, что мне нужно, я получил от неё.

Тишина повисла между ними, густая и неловкая.

— Мне... мне жаль, — тихо произнесла Нарма. В её голосе теперь не было вызова, только искренняя грусть.

— Не стоит, — он отвёл взгляд, будто проверяя периметр лагеря. — Тогда, видимо, я не смогу понять, что такое душевная рана.

Он поднялся во весь рост, отряхнул латную перчатку о колено и без лишних слов направился к костру, где уже закипал котёл. Нарма опустила глаза на книгу, но буквы расплывались перед глазами. Она только что говорила с человеком, чья душа, казалось, была закалена в стали с самого рождения. И впервые за эти дни она почувствовала не раздражение, а щемящую, странную жалость.

Ночлег в кровати

Двадцать пять суток в пути пролетели без особых приключений — они всё ещё двигались по территории Ронкары, где дороги охранялись, а леса были вычищены от крупных опасностей. Но однообразие дороги и вечная пыль въелись в кожу.

Впереди, в ложбине между холмов, показался Крадинар. Эдионт, не оборачиваясь, бросил на ходу:

— Заедем в город. Пора помыться как следует. Хватит с меня прохладной речной воды.

Колонна чуть отступила от основного пути и взяла курс на городские ворота.

У входа, под сенью потемневших от времени деревянных башен, стояли четверо стражников. Их остановили.

— Цель прибытия, господа? — спросил старший, голос звучал устало, без интереса. — Всех мужей от четырнадцати до семидесяти

лет уже забрали. Если вы пришли за этим — опоздали. Последняя колонна ушла две ночи назад.

— Нет, — резко отрезал Эдионт, доставая из-за пазухи свернутый в трубку пергамент с печатью. — Мы на личном задании от правителя Бесонта. Нам нужен ночлег. Надолго не задержимся.

Стражники, мельком глянув на печать, молча отступили, пропуская колонну. Но как только ворота захлопнулись за их спинами, стало ясно: печать правителя не купит им доброжелательности.

Город был пуст и тих, как после мора. Те немногие прохожие, что попадались на пути, останавливались и смотрели на всадников взглядами, полными немой злобы и страха. Шёпот, шипящий, как змеинный клубок, полз за ними по улицам: «Опять по указу... Детей пришли забирать...». Даже в таких отдалённых уголках, за недели пути от столицы, тень Бесонта была длинна и тяжела. Некоторые из воинов Эдионта невольно положили руки на эфесы мечей, ощущая эту всеобщую враждебность спиной.

Эдионт остановился у одного из трактиров, «У Хромого Коня», судя по вывеске. Слез с коня, повернулся к Нарме и своим людям:

— Привязывайте коней. Судя по пустоте, места всем хватит.

Он первым вошёл в трактир. Внутри было пусто, темно и пахло кислым пивом и пылью. За стойкой никого не было.

— Эй, есть кто? — громко спросил Эдионт.

Из тени за стойкой возник молодой мужчина, двадцати пяти лет от роду. Лицо бледное, глаза потухшие.

— Я думал, нас встретит женщина, хозяйка, — сказал Эдионт, окидывая парня оценивающим взглядом. — А тут молодой муж. Как избежал призыва?

Парень ничего не ответил. Он молча, с неестественным, скрипучим стуком, вышел из-за стойки. Вместо левой ноги, от колена вниз, у него была искусно сделанная, но неуклюжая деревянная кукса. Он просто посмотрел на Эдионта, и в его взгляде не было ни страха, ни покорности — только пустота.

— Понял, — тихо сказал Эдионт, и его голос неожиданно потерял привычную сталь. Он наклонился чуть ближе, понизив тон так, чтобы слышно было только двоим. — Знаешь, между нами... я и сам не в восторге от указа нашего всеми любимого правителя. Было лишним забирать всех подряд.

В этот момент дверь трактира с скрипом открылась, впуская Нарму и остальных воинов. Холодный дневной свет выхватил из полумрака фигуры Эдионта и хромого парня, застывших в немом диалоге.

Эдионт обернулся к своим людям и к Нарме:

— Садитесь, где свободно. Сейчас нам подадут пива и жареной баранины с фасолью.

Заказ принял парень за стойкой. Он молча принялся разливать мутное пиво по кружкам, деревянная кукса глухо стучала по половицам.

Нарма выбрала столик у окна, подальше от шумной ватаги воинов. Она натянула рукав на кулак и попыталась стереть с доски толстый слой пыли, но лишь размазала его. Эдионт подошёл к ней.

— Тебе я заказал вина, салат с соусом и жареного кролика. Думаю, тебе это больше подойдёт, чем пиво с бараниной.

— Я могу есть то же, что и все, — ответила Нарма, не глядя на него. — Мне не нужно лишнего внимания. Не хочу, чтобы твои люди считали меня особенной.

— Но ты и есть особенная, — тихо сказал Эдионт и, не настаивая, отошёл, заняв место за соседним столом.

Таверна дышала заброшенностью. Пыль лежала на столах пухлым слоем, на стойке засохли старые пивные пятна. На полу застыли следы от давно высохшей грязи — призраки прошлых постояльцев. Справа от стойки уходила вверх облезлая деревянная лестница, ведущая к комнатам для ночлега. Обычно такие вылазки оплачивала казна, но на этот раз Эдионт решил заплатить из своего кошелька — и за ужин, и за ночлег.

Голодные воины быстро уплетали горячую еду. Пиво было кисловатым, но и оно быстро исчезало из кружек. Никто не разговаривал; в таверне стоял лишь звук чавканья, жадных глотков и изредка — громкой, нестеснённой отрывки.

Нарма ела иначе — медленно и аккуратно, как полагается воспитанной девушке. Она даже попросила у слуги нож и вилку, которых другим не предложили. Парень за стойкой не спускал с неё глаз. В его потухшем взгляде теперь тлела немая ярость. Он хмурил густые чёрные брови, наблюдая, как она неспешно перебирает кусочки мяса, будто нарочно выставляя напоказ свою чужеродную утончённость.

Эдионт встал и снова подошёл к её столу.

— Можно присяду?

Она подняла голову.

— А чем вам не угодил ваша бравая компания?

— В ваших словах я не услышал отказа, — сказал Эдионт и, отодвинув стул, сел без разрешения.

— Но и разрешения я не давала, — фыркнула Нарма.

— Послушай, — наклонился он к ней, понизив голос. — Мне не нравится эта атмосфера. А тот парень за стойкой... он тебя прямо прожигает взглядом.

— И что? — Нарма отрезала кусочек мяса. — Здесь полно твоих солдат, а ты боишься одного безногого парня?

— Нет, — так же тихо ответил Эдионт. — Я смотрю дальше. Думаю, нам не стоит оставаться здесь на ночлег. Нужно двигаться.

— Нет, — резко парировала Нарма. — Твои люди вымотались. Они не причинят нам вреда. А я... я хочу поспать на нормальной постели. Я всё-таки девушка, а не один из твоих немых воинов.

Эдионт замер на секунду, изучая её лицо.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Но у твоей двери ночью будут дежурить двое моих людей. Так мне будет спокойнее.

— Ваше право, — холодно ответила Нарма, вновь уткнувшись в тарелку.

Эдионт медленно поднялся и направился к стойке, где хромой парень смотрел на него пустым, неотрывным взглядом.

— Мне и моим людям нужен ночлег, — сухо сказал Эдионт, глядя на парня за стойкой. Тот медленно вытер руки о грязный фартук.

— Видите ли, у нас на втором этаже комнаты почти все заняты. Столько людей мы не разместим. Но вы с вашей дамой можете остаться — для вас я найду комнату. А вашим воинам... придётся поискать ночлег в другом месте.

Глаза слуги были пусты, но в уголках губ дрожала едва уловимая усмешка. Он лгал, и лгал нагло.

— Нет, так не пойдёт, — голос Эдионта стал тише и твёрже. — Я могу подняться лично и посмотреть. Возможно, нам хватит места. Мы люди не избалованные, поместимся и в тесноте.

На лице хромого мужчины мелькнула паника. Он прекрасно знал, что места хватит всем, и допустить проверку было бы роковой ошибкой. Его пальцы судорожно сжали край стойки.

— Ладно, — он сдался, отведя взгляд. — Раз уж вас не смутят наши условия... располагайтесь.

— И ещё, — добавил Эдионт. — Девушка будет спать отдельно. Ей нужна собственная комната.

— Как скажете, — буркнул слуга, уже ненавидящим шёпотом.

Несмотря на всю эту скрытую вражду, Эдионту неожиданно понравилось, как в глазах этого человека они с Нармой выглядели парой. Впервые за долгое время внутри шевельнулось смутное, глупое тепло. Он тут же отогнал эти мысли прочь — сейчас не время для слабостей.

Вернувшись к столу, он допил кружку кислого пива и громко, на всю таверну, бросил:

— Сильно не засиживаемся! Мы тут не на пиру. Набивайте брюхо и поторапливайтесь наверх, разбирайте комнаты.

Поднявшись, он вновь подошёл к Нарме.

— У тебя будет отдельная комната. Советую не бродить по тёмным коридорам и не спускаться в трактир одна.

Нарма, не поднимая головы, лишь кивнула. Прядь огненных волос сорвалась с её уха и упала на щеку. Эдионт развернулся и ушёл.

Пока его люди заканчивали трапезу, он поднялся на второй этаж. Воздух встретил его ударом — резкий запах плесени, пыли и чего-то сладковато-гнилостного. Стены, сложенные из грубого камня, были испещрены тёмными подтёками, похожими на засохшую кровь или дешёвое вино. Деревянный пол скрипел и прогибался под ногами, протоптанные дорожки вели к каждой двери. В конце коридора, у дыры в плинтусе, мелькнули и скрылись две крысиные тени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.